

3. История религий. Т. 2. Учебник / Под ред. И. Н. Яблокова. М.: Высш. Шк., 2002. 639 с.
4. Календарь в культуре народов мира. Сборник статей. М.: Наука, 1993. 272 с.
5. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.
6. Наровчатов С. С. Необычное литературоведение. М.: Молодая гвардия, 1970. 336 с.
7. Пивоваров Д. В., Медведев А. В. История и философия религии. Учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, Нижневартонск, 2000. 408 с.
8. Стеблин-Каменский М. И. Миф. Л.: Наука, 1976. 104 с.
9. Токарев С. А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 622 с.
10. Фролов Б. А. Числа в графике палеолита. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение Академии наук СССР, 1974. 239 с.
11. Щеглов П. В. Отраженные в небе мифы Земли. М.: Наука, 1986. – 110 с.

Н. В. Дьяченко

### **ЖЕНЩИНА И СЕМЬЯ: СЛУЧАЙ «ЖЕНСКИХ ПРАКТИК».**

*В России с начала 90-х гг. XX в. распространяются так называемые «женские практики», входящие в спиритуально-коммерческое движение. В рамках этого движения существует множество предложений сочетающих в себе одновременно гендерное и религиозное измерение. Данный вид практик формирует особые поведенческие модели, связанные с переосмыслением роли женщины в обществе.*

*Ключевые слова: женщина, женские практики, семья, спиритуально-коммерческое движение, социология религии.*

Время конца XX – начала XXI в. ознаменовало значительные перемены в представлениях россиян о семье и браке. Характер брачно-семейных отношений в России усложнился: распространение и развитие гражданского брака, где партнерские отношения не всегда подкреплены официальным статусом брака; утрата позиций формальных брачных союзов, особенно у лиц репродуктивного возраста

от 18 до 49 лет [2, с. 88]; развитие разнообразных типов супружеских отношений. Трансформация института семьи и брака, происходящая в современном российском обществе, приводит к возникновению новой этики семейных отношений и новой роли женщины. Стоит отметить, что изменение о структуре, форме и функции семьи сопровождаются такими явлениями российской действительности как: консервативные стереотипные представления о «мужчине – добытчике, женщине – хранительнице очага», «женском счастье» сопряженном с успешным замужеством, акцентом на патриархальную семью; отсутствием широкой общественной дискуссии о гендерной проблематике, новой роли российских женщин.

Постперестроечное время характеризуется экономической нестабильностью в связи с переходом на рыночную модель экономики и новыми культурными и социальными веяниями. Эти проблемы мотивируют население на активный поиск решения, по возможности простого и универсального. Способом самоопределения в религиозной и гендерной плоскости для большей части российских женщин 90-х и 2000-х становятся «женские практики», неклассические этики, поиски «новой духовности» [5].

Понятие «новая духовность», по мнению Е. Д. Руткевич, охватывающая «все аспекты жизни и описывающаяся как новый стиль постсовременной духовной культуры: она демократична, доступна, индивидуалистична и переходит границы институциональных религий, поэтому зачастую внецерковна» [8, с. 43]. В теоретической плоскости мы последуем за Г. Линчем, который исследует проблему «новой духовности» в контексте «взаимосвязи религиозной веры, окружающего мира и новых научных теорий, долговременной программы трансформации религии и общества и многообразия религиозных стилей, что характерно для постсовременного развития общества» [8, с. 44].

Так называемые «женские практики», активно распространяются в России в 90-е гг. XX в., и представляют по своей сути смесь психологических концепций, эзотерических практик, религиозных учений Нью-Эйджа. Женские практики – различные по форме и назначению тренинги, мастер-классы, консультации, семинары, направленные на создание мифологии женственности, гармонизацию отношений между мужчиной и женщиной, поддержание женского здоровья, обретение семейного счастья и т. п. Современными исследователями женские практики относятся к спиритуально-коммерческому движению, что делает акцент на коммерческом характере данного явления [3; 4; 5].

Существует определенная проблема с употреблением термина «женские практики». Во-первых, «женские практики» – это самоназвание,

используемое среди адептов. Так эти занятия именуются и учителями, и последователями. Другое конкурирующее, но менее распространённое самоназвание в этой среде – «женские тренинги». В современной российской публичном информационном пространстве эти словосочетания являются устойчивыми и узнаваемыми, однозначно маркируя исследуемое в данной работе явление религиозно-культурной жизни. Первое («женские практики») отражает весь комплекс идей и ритуалов, которым учат на вторых («женских тренингах»). Во-вторых, в рамках гендерных исследований, особенно среди (женских исследований (women studies), феминистских исследований) мы можем встретить понятие «женские практики». Но в этом же случае, это касается анализа социальных практик женщин и мужчин. Термин «женские практики», безусловно, не является в достаточной степени научно проработанным, но другого пока не предложено. Мы будем его использовать операционально, понимая под ним сегмент Нью-Эйдж, ориентированный на женскую аудиторию, имеющий под собой спиритуально-коммерческое основание.

Популярность «женских практик» в России значительна, но, ввиду молодости в нашей стране движения Нью-Эйдж и его составляющей, направленной на женщин, явление мало изучено. Само же явление «женских практик» чрезвычайно интересно и нуждается в изучении. Только «на Среднем Урале, существует довольно много центров и индивидуальных преподавателей этого направления. В г. Екатеринбурге 2012 г. существовало более трех десятков центров, предлагающих занятия йогой либо в качестве основной своей деятельности, либо в рамках широкого спектра предложений» [5, с. 1287]. О их популярности свидетельствуют телепередачи, тиражи книг, статьи, фестивали и большое количество Интернет-ресурсов, посвященных теме. Повсеместная реклама женских практик, многочисленные статьи в печатных изданиях и Интернет-ресурсах для женщин, огромное количество постов в социальных сетях, содержащих идеи из этих практик, позволяют сказать, что на сегодняшний день женские практики – самое крупное течение спиритуально-коммерческого движения, глубоко пустившее корни в массовое сознание. Проанализируем представления о женственности и ее связи с представлениями о семье у участниц «женских практик».

Во-первых, религиозно-философские идеи, лежащие в основании женских практик, как уже отмечалось, характерны для движения Нью-Эйдж и эзотеризма. Своеобразное прочтение женщины, женственности, происходит через их сакрализацию. Одним из принципов рассуждения о женственности, о мире становится принцип «мышления в соответствиях» и другие характерные для эзотеризма представления, описанные А. Февром [1]. Постулируется наличие невидимых,

некаузальных, как символических, так и реальных связей-соответствий между всеми видимыми и невидимыми измерениями космоса: «как наверху, так и внизу; как внизу, так и наверху». В случае женских практик в пример здесь можно привести связь между лунным циклом и состоянием «внутренней женственности», связь между чистотой дома и чистотой души, веру в то, что определенные наши состояния имеют свойство «притягивать» внешние события и людей.

Тема различных энергий, циркулирующих в мире и лежащих в основе всех происходящих внутри и снаружи процессов, – тоже общее место женских практик. Например, для женских практик «характерен способ трактовки моральных понятий, через визуализируемые образы, а именно, через образ «потока энергии»... моральность предстает как ровный, спокойный поток энергии, тогда как отклонения (моральные) представляются турбуленциями потока. На основании такой визуализации делается вывод, что чтобы обрести подлинно моральное существование, необходимо выпрямить в себе этот поток» [5, с.1291].

Так же следует отметить постулируемую ими необходимость «возврата к природе», к «естественности», как спасение от всех проблем, и, соответственно, связывание самих этих проблем с «отходом от природы» современного человека. Женские практики ориентируют своих адептов на «возрождение», пробуждение, раскрытие женской сути, что представляется конечной целью, достижение которой связывается с переходом женщины в иное, «волшебное» состояние носительницы сакральной женственности, магической силы.

Во-вторых, представление о личностном росте женщины основывается на представлении о положительной (божественной) природе человека, возможности ее пробуждения и преображения на этой основе. Этот антропологический подход активно используется как в популярной эзотерике, так и в женских практиках. Здесь «развитие женственности» ассоциируется с «духовностью» и «развитием личности». Возможно, это связано с положениями, выдвинутыми психологами югианской школы, которые в книгах о женских проблемах напрямую называют раскрытие «феминности» «духовностью», и опытное постижение женского архетипа связывают с обретением своего «истинного «я». Этот взгляд противоречит гуманистической концепции личности и ее развития (или самоактуализации), выдвинутой в психологических концепциях К. Роджерса и А. Маслоу, Э. Фромма и др., которая ориентируется на уникальность личности, на развитие индивидуального самосознания и личной ответственности. С этой точки зрения предлагаемый женскими практиками «возврат к природе» и подмена индивидуального «я» архетипом является не развитием, а деградацией личности.

В-третьих, гендерная дихотомия среди сторонников «женских практик» базируется на «характере энергии». В интернете в ходу список из 70 пунктов, созданный Русланом Нарушевичем (одним из гуру женских практик). По этому списку традиционно женские виды деятельности способны повышать уровень женской (лунной) энергии. Это может быть и наведение порядка в квартире, приготовление еды, и прочие рутинные занятия. Также накоплению женской энергии способствуют такие занятия, как приобретение новых нарядов, посещение салонов красоты или общение с подругами (даже по телефону). Таким образом, весь спектр повседневных занятий современной женщины обретает для нее новый сакральный смысл, превращающий их в ритуалы. Так же популярный мастер женских практик Ольга Валяева отмечает, что «страх – это очень девчачье качество, если мы не будем ничего бояться – это очень плохо» [7], а самым страшным «грехом» называет «критику и осуждение», так это приводит к «утеканию нашей хорошей кармы и забираанию плохой кармы от того, кого критикуешь (даже мысленно)» [7].

Женские практики формируют представление, что благодаря работе с женской энергией женщина способна «притянуть» к себе благополучие в разных формах – в первую очередь, это укрепление связи с мужчиной. Если женщина уже замужем, то ей внушается связь между уровнем ее женской энергии и поведением супруга, а так же уровнем его доходов. Соответственно, вместе с магической способностью влияния на окружающий мир с помощью своей энергетики, женщина становится ответственной за все происходящее с ней, ее мужчинам, ее семьей. Таким образом, необходимость активных действий в мире, принятия решений в жизни и движений по построению межличностных отношений подменяется магическими практиками по развитию женственности. Подобные представления характерны для архаичных культур, например, что-то подобное мы встречаем в тамильской мифологии.

«Мужские» занятия, сопряженные с «мужскими энергиями», для женщины резко осуждаются, о них говорится, что они опустошают женщину, лишают ее женской силы (энергии). К «мужским» занятиям и способам жизни относят такие вещи, как: способность ставить и достигать цели, конкуренция, самостоятельность и ответственность, способность принимать решения, построение карьеры, лидерство.

Из вышеизложенного мы видим, что женские практики предлагают вариант патриархальной модели, где главной обязанностью и добродетелью женщины называется «послушание мужу». Более того, некоторые учителя транслируют в качестве инструмента построения «женского счастья» такие модели поведения, как виктимность, манипулирование, созависимость. Модель поведения «настоящей женщины» с мужем

напоминает поведение маленькой девочки, отношения дочери с отцом. Одновременно, для того, чтобы женщина все-таки могла получить от мужа то, что она хочет, женские практики обучают искусству манипуляций. Манипуляции эти ориентируются на то, что, по словам учителей женских практик, якобы всем мужчинам свойственна потребность в самоутверждении за счет ощущения себя главным, умным, сильным – и на этой потребности можно искусно играть.

С другой стороны, как уже отмечалось исследователями, «при постулировании приверженности традиции, фактически патриархальной семье, нередко наблюдается фактический отказ от понимания ценностей традиционной семьи... На тренингах, связанных с темой женщины и семьи, речь шла скорее о женской сексуальности, о технических и психологических моментах секса, нежели о полной семье. Тема детей отсутствовала полностью... Основная функция женщины, по словам ведущей тренинга, «Мотивировать мужчину, озвучить свое хочу. Мужчина не будет развиваться, если женщина не просит у него благ физического мира». Семейные отношения во многом предстают как манипуляции и «приятие» [4; с. 359].

Подводя итоги, можно констатировать, что женские практики имеют в своем основании социальные причины и религиозные поиски современных россиянок. Новая роль женщины, связанная с ее экономической и социальной активностью, трансформацией институтов брака и семьи приводят к специфическому варианту прочтения гендерной роли женщины. С одной стороны продолжает транслироваться модель патриархальной семьи и вытекающих из нее семейных отношений, которая скорее знаменует тоску по «золотому веку», но не отвечает современным реалиям. С другой стороны, сама патриархальная семья в рамках женских практик переосмысливается, так в ней почти отсутствует тема детей, основой семейных отношений становятся сексуальные отношения.

Женские практики, в большинстве случаев, носят коммерческий характер, что может свидетельствовать об их востребованности у женщин, имеющих стабильное финансовое положение, но не нашедших «женского счастья», связываемого ими с семейными отношениями.

Последствия массового увлечения женскими практиками уже обращают на себя внимание психологов. В крупных женских журналах и на личных сайтах психологов все чаще встречаются критические публикации, указывающие на специфичность женских практик и их эзотерическое истолкование. В США об опасности замыкания женщины на роли жены и матери заговорили еще в 60-х гг. XX в., когда обнаружилось, что такое искусственное сужение возможности самореализации приводит ее к расстройствам личности, тяжелым депрессиям [6].

Образ женщины, постулируемый женскими практиками, можно сравнить с современными образами культурных героев, фундированными мифологией, магией, современным мифотворчеством. «Современномифотворчествовсфере масскультупредлагаетширокий набор образцов для подражания – «новых героев» и значение культурного героя как «носителя культурных благ» сдвинулось в сферу почитания кумира и способу идентификации с ним в своем практическом опыте» [9, с. 111–112]. Учитывая все это можно ожидать возникновение особой современной мифологии женственности и появление публичных персон, отражающих смыслы данной мифологии.

### **Библиографический список:**

1. Жданов В. В. Изучение эзотерики в западной Европе: институты, концепции [Электронный ресурс] / В. В. Жданов // Мистико-эзотерические движения в теории и практике. История. Психология. Философия / Отв. ред. С.В. Пахомов. СПб.: РХГА, 2009. С. 5–27. Режим доступа: <http://www.asem.ucoz.org/Statji/Zhdanov01.pdf> (дата обращения 21. 02.16).
2. Захаров С. В. Новейшие тенденции формирования семьи в России / С. В. Захаров // Мир России. 2007. №4. С. 73–112.
3. Кузнецова О. В., Гришаева Е. И. Практики спиритуально-коммерческого движения как феномен общества потребления [Электронный ресурс] / О. В. Кузнецова, Е. И. Гришаева Режим доступа: [http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/21354/1/kuznetsova\\_grishaeva\\_2.1.2.1.pdf](http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/21354/1/kuznetsova_grishaeva_2.1.2.1.pdf) (дата обращения 22.02. 16).
4. Кузнецова О. В., Осинцев А. В. Женские практики и этика семейных отношений / О. В. Кузнецова, А. В. Осинцев // Религии России: проблемы социального служения и патриотического воспитания: Коллективная монография / Под. ред. О. К. Шиманской. Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2014. С. 355–360.
5. Kuznetsova O. V., Osintsev A. V. Spiritual-commercial movement: main features, peculiarities, attribution / O. V. Kuznetsova, A. V. Osintsev // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2014, №8 P. 1286–1292.
6. Фридан Б. Загадка женственности / Б. Фридан. М.: Изд. группа «Прогресс» «Литера», 1993. 496 с.
7. Валяева О. ВозРождение женственности [Аудиозапись] / О. Валяева, исполнитель: О. Валяева, 2012, формат: mp3. Продолжительность: 8:45:45. Режим доступа: <http://yarasvet.ru/?p=23770> (дата обращения 19. 02.16).
8. Руткевич Е. Д. «Социология духовности»: проблемы становления [Электронный ресурс] / Е. Д. Руткевич // Вестник института социологии.



Июнь 2014. №2(9). С. 37–65. Режим доступа: [https://vk.com/doc138247322\\_437559412?hash=e10eod054d217a7922&dl=d76c6f5fa039e0a9f1](https://vk.com/doc138247322_437559412?hash=e10eod054d217a7922&dl=d76c6f5fa039e0a9f1) (дата обращения: 30.05.2016).

9. Иванова Е. В. Мифотворчество XX века: к проблеме определения нового культурного героя // Вестник Оренбургского государственного университета, 2005, № 7. с. 110–114.

Е. В. Иванова, Е. В. Зарубина

## **К ПРОБЛЕМЕ ПРОФИЛАКТИКИ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ**

*Аннотация. Предметом исследования настоящей статьи является молодежный экстремизм как комплексное социальное явление и основные принципы его профилактики, вытекающие из специфики сознания той части молодежи, которая восприимчива к идеологии и психологии экстремизма. Уделяется внимание концепции Д. В. Пивоварова о духовном, религиозном воспитании как «созидания по образцу».*

*Ключевые слова: религия, молодежь, экстремизм, религиозное воспитание, профилактика экстремизма.*

Экстремизм в современной научной литературе определяется как «теория и практика достижения социально-политических, религиозных, национальных целей посредством «крайних», запрещенных способов. Под этими способами понимается недозволенное законом применение силы, насилие, посягательство на права и свободы человека и гражданина. Экстремист – это не просто убийца или хулиган, это «идейный» преступник, убежденный в своей правоте» [1, С.4]. Для российского общества, многонационального и многоконфессионального, сегодня характерно многообразие проявлений экстремизма, рост числа экстремистских организаций, широкое вовлечение молодежи в экстремистское движение. Сегодня молодежь пополняет ряды экстремистских и террористических организаций, которые активно используют молодых людей в своих политических целях.

Проблемы профилактики экстремизма в молодежной среде сравнительно недавно стали предметом научных исследований в нашей стране. Так, О. Н. Астахова, Е. В. Иванова [2, С. 50], О. В. Попов, Е. П. Сергун, С. Н. Чирун, О. Н. Ялченко исследуют сущность молодежного экстремизма и причины его формирования. О. Е. Кубякин описывает способы работы экстремистов с молодежью через информационно-